

М.И. Шутан**Нижегородский институт развития образования,
603122 г. Нижний Новгород, Российская Федерация**

Антропоним как художественная доминанта литературного произведения (об изучении рассказа М.А. Шолохова «Чужая кровь» в 7 классе)

Аннотация. В статье утверждается, что художественная доминанта, обуславливающая ракурс школьного изучения литературного произведения в рамках одного или целого комплекса уроков, неизбежно становится и категорией методики, т.к. оказывает влияние на содержание и структуру аналитической и интерпретационной деятельности юных читателей. В статье на фоне произведений Л.Н. Толстого «Война и мир» и А.П. Чехова «Человек в футляре» показываются специфические черты художественной доминанты-антропонима в рассказе М.А. Шолохова «Чужая кровь», способствующей выражению гуманистической позиции автора. Вопросы и задания, определяющие содержание и структуру первого урока, подготавливают школьников к исследовательской деятельности на втором уроке, на котором в центре внимания – антропоним «Петр» с целым комплексом словообразовательных вариаций. При этом на втором учебном занятии прослеживается последовательность следующих тем: варианты имени «Петр» > имя собственное «Петр» и сюжет > нарицательные существительные-заместители имени собственного > слово «отец», звучащее из уст «нового сына» > художественные детали, имеющие отношение к родному и названному сыну > смысл названия рассказа. Сам антропоним с его вариациями рассматривается в связи с различными уровнями художественной структуры произведения (имеются в виду особенности сюжета, композиции, словоупотребления). Вопросы и задания, предлагаемые семиклассникам, отличаются разнообразием. Это и дидактический материал репродуктивного характера, и материал, нацеливающий на сопоставление сегментов художественного текста изучаемого произведения, и сопоставление тематически близких фрагментов из разных произведений. Кроме того, в дидактический материал входят задания, предполагающие элементы лингвостилистического подхода к тексту, оценку поступка персонажа, словесное иллюстрирование двух контрастных эпизодов, а также выявление авторской позиции как результат аналитико-интерпретационной деятельности.

Ключевые слова: художественная доминанта, антропонимическая парадигма, слова-заместители, сюжет, художественная деталь, исследовательская деятельность в школе, сопоставление на уроках литературы

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Шутан М.И. Антропоним как художественная доминанта литературного произведения (об изучении рассказа М.А. Шолохова «Чужая кровь» в 7 классе) // Литература в школе. 2023. № 5. С. 84–95. DOI: 10.31862/0130-3414-2023-5-84-95

DOI: 10.31862/0130-3414-2023-5-84-95

M.I. Shutan

Nizhny Novgorod Institute of the Education Development,
Nizhny Novgorod, 603122, Russian Federation

Anthroponym as an artistic dominant in a literary work (on studying the story “Stranger’s blood” by M.A. Sholokhov in the 7th grade)

Abstract. The article argues that the artistic dominant, which determines the perspective of the school study of a literary work within the framework of one or the whole set of lessons, inevitably becomes a category of methodology, as it influences the content and structure of the analytical and interpretative activities of young readers. In the article, against the background of the works by L.N. Tolstoy and A.P. Chekhov “War and Peace” and “Man in a case”, the specific features of the artistic dominant – the anthroponym in the story “Stranger’s Blood” by M.A. Sholokhov which contributes to the expression of the author’s humanitarian position. The questions and tasks that determine the content and structure of the first lesson prepare students for research activities in the second lesson, where the focus is on the anthroponym “Peter” with a whole complex of word variations. At the same time, the following topics are traced in the second lesson: variants of the name “Peter” > the proper name “Peter” and the plot > common nouns-substitutes for the proper name > the word “father”, sounding from the mouth of the “new son” > artistic details related to the born and named son > the meaning of the title of the story. The anthroponym itself with its variations is considered in connection with different levels of the artistic structure of the work (meaning the features of the plot, composition, word usage). The questions and tasks offered to seventh graders are diverse. This is didactic material of a reproductive nature, material aimed at comparing segments of the literary text of the work under study and comparing thematically similar fragments from different works. In addition, the didactic material includes tasks

involving elements of a linguo-stylistic approach to the text, an assessment of the character's acting, verbal illustration of two contrasting episodes, as well as identification of the author's position as the result of analytical and interpretative activity.

Key words: an artistic dominant, an anthroponymic paradigm, substitute words, the plot, an artistic detail, the research activity in school, comparison at literature lessons

CITATION: Shutan M.I. Anthroponym as an artistic dominant in a literary work (on studying the story "Stranger's blood" by M.A. Sholokhov in the 7th grade). *Literature at School*. 2023. No. 5. Pp. 84–95. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2023-5-84-95

Доминанта – «господствующая идея, основной признак или важнейшая составная» [7, с. 170]. Именно самосознание героев Ф.М. Достоевского М.М. Бахтин называет художественной доминантой, фиксирующей дистанцию между голосом конкретного героя и голосом автора (отсюда идея объективации самого героя), доминантой, образующей своеобразное силовое поле, в которое попадают те или иные качества героев, подчиняясь его законам [1, с. 58, 59]. Как мы видим, М.М. Бахтин точно характеризует художественную доминанту как эстетическое понятие, как структурообразующий принцип (прием), хотя и не дает ее определение.

Вопрос о художественной доминанте непосредственно сопрягается с вопросом об интенции, т.е. намерении, замысле автора, выраженном в произведении и призванном «ставить "пределы интерпретации", служить критерием, позволяющим отделять приемлемые толкования текста от неприемлемых» [2, с. 103].

Художественная доминанта, обуславливающая ракурс школьного изучения литературного произведения в рамках одного или целого комплекса уроков, неизбежно становится

и категорией методики, т.к. оказывает влияние на содержание и структуру аналитической и интерпретационной деятельности юных читателей.

В рассказе М.А. Шолохова «Чужая кровь» в роли одной из художественных доминант выступает антропоним «Петр» с различными вариациями.

Совершенно очевидно, что на антропониме (имени собственном, называющем того или иного литературного персонажа), являющемся художественной доминантой, должна быть особая смысловая нагрузка. Причем сам антропоним в произведении нередко превращается в лейтмотив.

Например, в романе Л.Н. Толстого «Война и мир» такую функцию выполняет слово «Наполеон». Историческая личность, которая стоит за этим именем собственным, становится предметом обсуждения в салоне Анны Павловны Шерер в связи с конкретным событием, взбудоражившим всю Европу (имеется в виду казнь герцога Энгиенского). При этом негативным оценкам французского императора резко противостоит Пьер Безухов, воспринимающий этого человека в романтической системе координат и идеализирующий его: «Наполеон велик, потому что он стал

выше революции, подавил ее злоупотребления, удержав все хорошее – и равенство граждан, и свободу слова и печати»; «Революция была великое дело»; «...а значение в правах человека, в эманципации от предрассудков, в равенстве граждан; и все эти идеи Наполеон удержал во всей их силе» [8, с. 28–29]. Но о Наполеоне упоминается и позднее – перед Аустерлицким сражением. Причем о нем вспоминает Андрей Болконский, который охвачен индивидуалистическими устремлениями, мечтами о славе, и заместителем антропонима выступает Тулон, символ первой победы Наполеона, впервые прославившей его имя: «И вот та счастливая минута, тот Тулон, которого так долго ждал он, наконец представляется ему» [Там же, с. 338]. Но ранение и романтическое восприятие аустерлицкого неба влияют радикальным образом на жизненные ориентиры Андрея и его отношение к Наполеону: «Он знал, что это был Наполеон – его герой, но в эту минуту Наполеон казался ему столь маленьким, ничтожным человеком в сравнении с тем, что происходило теперь между его душой и этим высоким, бесконечным небом с бегущими по нему облаками» [Там же, с. 373]. То есть в произведении звучит тема Наполеона, вне которой трудно представить нравственно-философское содержание этого романа.

Интересен с этой точки зрения и рассказ А.П. Чехова «Человек в футляре»: сама фамилия «Беликов» в произведении приобретает нарицательный смысл (можно говорить о явлении «беликовщины», базирующейся на принципе «Как бы чего не вышло»), символизируя не только определенный тип психологии (обра-

зы и художественные детали, употребляемые автором, говорят сами за себя: рак-отшельник, улитка, скорлупа, зонтик и часы в чехле, древние языки как аналог калош и зонтиков; уши, заложенные ватой; мысль, запрятанная в футляр), но и образ жизни (Иван Иванович говорит: «А разве то, что мы живем в городе в духоте, в тесноте, пишем ненужные бумаги, играем в винт – разве это не футляр? А то, что мы проводим всю жизнь среди бездельников, сутяг, глупых, праздных женщин, говорим и слушаем разный вздор – разве это не футляр?» [9, с. 233]). Само название рассказа можно рассматривать как заместитель антропонима: футляр, т.е. защитная оболочка, которая отгораживает от реальности, раздражающей и пугающей.

Отметим, что в охарактеризованных произведениях человек, обозначаемый именем собственным, становится предметом обсуждения, осмысления, подчас жесткой оценки и он представляет определенную жизненную позицию, определенный тип психологии. т.е. сам антропоним, периодически повторяющийся в тексте, несет на себе особую смысловую нагрузку, которая приближает читателя к идейно-художественному ядру литературного произведения.

В рассказе М.А. Шолохова «Чужая кровь», посвященном периоду Гражданской войны, у антропонима «Петр» другие функции. Во-первых, постоянное упоминание этого имени собственного показывает безграничную любовь Гаврилы и его жены к погибшему на войне сыну. Во-вторых, присвоение этого имени названному сыну, у которого, естественно, есть свое имя – Николай,

свидетельствует не только о стремлении компенсировать потерю родного сына таким необычным способом, но и о преодолении границы, диктуемой самой исторической эпохой: девятнадцатилетнего парня, участвовавшего в продразверстке, главные герои рассказа спасли от смерти и полюбили, подарив при этом ему имя своего сына. А они должны были воспринимать этого парня как врага. Как мы видим, антропоним – один из способов выражения гуманистической позиции автора.

Рассказу М.А. Шолохова «Чужая кровь» следует посвятить два урока.

На **первом уроке**, создающем основу для исследовательской деятельности, семиклассники должны

войти в художественный мир произведения, разобраться в особенностях сюжета, понять логику поступков персонажей. Поэтому неизбежны, наряду с эвристическими вопросами и заданиями, вопросы и задания репродуктивного характера:

1. *Докажите, что каждую ночь Гаврилы думает о сыне, пропавшем в войну без вести. Какие чувства испытывает дед? Какие детали помогают нам лучше понять его душевное состояние?*
2. *Прочитайте фрагменты из двух произведений М.А. Шолохова (см. табл. 1). Можно ли утверждать, что у Гаврилы и Мирона Григорьевича одно и то же душевное состояние? Обоснуйте свое мнение.*

Таблица 1

«Чужая кровь»	«Тихий Дон»
<p>«Пропал сын – некому стало наживать. Рушились сараи, ломала скотина базы, гнили строила раскрытого бурей катуха. В конюшне, в пустых станках, по своему хозяйствовали мыши, под навесом ржавела косилка.</p> <p>Лошадей брали перед уходом казаки, остатки добирали красные, а последнюю, лохмоногую и ушастую, брошенную красноармейцами в обмен осенью за один огляд, купили махновцы. Взамен оставили деду пару английских обмоток.</p> <p>– Пушай уж наше переходит! – подмигивал махновский пулеметчик. – Богатей, дед, нашим добром!..</p> <p>Прахом дымилось все нажитое десятками лет. Руки падали в работе, но весной, – когда холостеющая степь ложилась под ногами покорная и истомная, – манила деда земля, звала по ночам властным неслышным зовом. Не мог противиться, запрягал быков в плуг, ехал, полосовал степь сталью, обсеменял ненасытную черноземную утробу ядреной пшеницей-гиркой...» [10, т. 7, с. 485-486]</p>	<p>«Да и в самом Мироне Григорьевиче свирепо боролись два этих начала: бунтовала рыжая кровь, гнала на работу, понуждала сеять, строить сараи, чинить инвентарь, богатеть; но все чаще навдывалась тоска – “Не к чему наживать. Пропадет!”, – красила все в белый мертвенный цвет равнодушия. Страшные в своем безобразии, кисти рук не хватались, как прежде, за молоток или ручную пилку, а празднично лежали на коленях, шевеля изуродованными работой, грязными пальцами. Старость привело безвременье. И стала постыла земля.</p> <p>По весне шел к ней, как к немилой жене, по привычке, по обязанности. И наживал без радости и лишался без прежней печали... Забрали красные лошадей, – он и виду не показал. А два года назад за пустяк, за копну, истоптанную быками, едва не заporол вилами жену. “Хапал Коршунов и наелся, обратно прет из него”, – говорили про него соседи» [10, т. 3, с. 133]</p>

По мнению В. Петелина, «Шолохов описывает одно и то же душевное состояние своих героев <...> Слова разные и характеры разные, но что-то важное и существенное роднит два эти отрывка: “Прахом дымилось все нажитое десятками лет”, “Пропал сын – некому стало наживать” и “Не к чему наживать. Пропадет!” Шолохов использует почти одни и те же слова для того, чтобы передать переживания человека, утратившего вкус к жизни, цель своего существования» [5].

3. Какой была реакция родителей на известие о гибели сына?
4. Что такое продрозверстка? Докажите, что Гаврила оказался в центре драматических событий, имеющих к ней отношение.
5. Когда Гаврила дрогнул от жалости?
6. Расскажите, как постепенно выздоравливал «белокурый». Проследите отношение к нему Гаврилы и его жены.
7. Покажите жизненную активность «нового сына».
8. Как отнесся Гаврила к письму? Как оно повлияло на судьбы героев рассказа?
9. Сопоставьте душевное состояние Гаврилы в конце и начале рассказа.
10. Согласны ли вы с поступком юного героя, покинувшего своих новых родителей? Приведите аргументы в пользу своей точки зрения.

Возможны разные мнения: одни ученики будут осуждать «нового сына» за то, что он покидает своих новых родителей, думая о собственных интересах, жизненных целях и проявляя неблагодарность к людям, спасшим его и так сильно любившим, что нарекли его именем погибшего на войне родного сына; дру-

гие же ученики будут склонны его оправдать, ведь он такой молодой, у него вся жизнь впереди, и ему необходимо думать о своем будущем, причем его «новый сын» связывает с судьбой завода, своими товарищами, столь дорогими ему, хотя покидать дом и стариков ему больно, но он делает такой, тяжелый для себя выбор.

Совершенно очевидно, что каждая из этих точек зрения имеет право на существование, т.к. в центре внимания – сложная, неоднозначная жизненная ситуация.

11. Опишите две возможные иллюстрации к контрастным эпизодам, вошедшим в рассказ. Обоснуйте выбор эпизодов и свои изобразительные решения.

На **втором уроке** семиклассники решают задачи исследовательского характера.

Сама повторяемость имени собственного не может быть основанием для того, чтобы оно получило статус художественной доминанты рассказа М.А. Шолохова. Необходимо большее: имя собственное, рассматриваемое в контексте произведения, должно выражать смыслы, приближающие его к идейно-художественному ядру «Чужой крови». Именно с этих позиций и рассматривается на втором уроке по произведению имя собственное «Петр».

В таблице 2 содержится фактический материал, на основе которого организуется тематически сфокусированная аналитико-интерпретационная деятельность школьников.

1. Какие варианты имени «Петр» встречаются в рассказе? Чем вы объясните наличие этих вариантов?

Прежде всего отметим, что имя это в тексте произведения варьируется:

во-первых, часто употребляется южнорусская форма этого имени «Петро», несомненно, отражающая место действия и этномир – мир донского казачества; во-вторых, в одной из ситуаций употребляется слово с уменьшительно-ласкательным суффиксом «Петька», передающее волнение матери, которая никак не хочет поверить в гибель своего

сына; в-третьих, употребляемое Гаврилой имя существительное с другим уменьшительно-ласкательным суффиксом «Петюшка» передает доброе отношение, симпатию главного героя рассказа к «новому» сыну, который, несмотря на физические трудности, все же передвигается по двору. Мало того, именно в этой ситуации Гаврила предлагает ему остаться у него в доме.

Таблица 2

Сын Гаврилы	Названный сын Гаврилы
<p>«Ну, Петро, справил я тебя, не стыдно и офицеру с такой справой идти...», «За столом сидел Петро, хмельной, иссиня бледный, последнюю рюмку, “стремленную”, выпил, устало зажмурил глаза, но на коня твердо сел» [10, т. 7, с. 484] (<i>проводы сына на войну</i>).</p> <p>«Был Петро по ту сторону фронта, возле Донца, усердием заслуживал урядничьи погоны», «Мы с тобой перебежмся, а Петро придет, что будет носить?», «Сшили полшубок на Петров рост и положили в сундук», «Войдет с надворья, глянет, и кажется, будто выйдет сейчас Петро из горницы, улыбнется, спросит: “Ну как, батя, холодно на базу?”», «...старуха на коленях возле лавки стоит, папаху Петрову неноченую к груди прижала, качает, как дитя баюкает» [Там же, с. 484–486] (<i>любовь родителей к своему сыну, постоянные мысли о его возвращении домой</i>).</p> <p>«...а однополчане-станичники Петра полком легли в бою со Жлобинским отрядом на Кубани где-то», «Прохор Лиховидов из Турции пришел.</p>	<p>«...лежал перед ним мальчишка лет девятнадцати, а не сердитый, с колючими глазами продкомиссар <...> сквозь леденящий холодок ладонь прощупала потухающее тепло...», «...почуял сердцем, что невыплаканная любовь ее к Петру, покойному сыну, пожаром перекинулась вот на этого недвижимого, смертью зацелованного, чьего-то чужого сына...», «Ну, а мы Петром кликать будем... сын у нас был... Петро», «С каждым днем с ужасом чувствовал Гаврила, что кровно привязывается к новому Петру, а образ первого, родного, меркнет, тускнеет, как отблеск заходящего солнца на слюдяном оконце хаты», «Старуха поила Петра сурчиным жиром, настоем целебных трав, снятых весной, в майском цвету», «Но все же на второй неделе поста в первый раз присел Петро на кровати сам, без посторонней помощи, и, удивленный собственной силой, долго и недоверчиво улыбался», «Ты завтра из сундука Петровы шаровары достань... Приготовь всю амуницию... Ему ить надеть нечего» [10, т. 7, с. 492–495] (<i>постепенное выздоровление юного продкомиссара, получившего имя сына Гаврилы</i>).</p> <p>«Сегодня встану, отец!», «Казалось ли ему так, или действительно Петро вложил в это слово сыновью ласку, но Гаврила густо побагровел, закашлялся и, скрывая смущенную радость, пробормотал: «Третий месяц лежишь... Пора уж, Петя!», «Каждый день ползал Петро по двору, прихрамывая и опираясь на костыль», «Коммунист», – ответил Петро, ясно улыбаясь», «А семья-то у тебя есть, Петюшка?», «Что ж, сынок, коли нет у тебя родни, оставайся при нас... был у нас сын, по нем и тебя Петром кличет...», «Петро упорно глядел под ноги в выщербленный пол, левой рукой сухо выстукивал по лавке», «Я, отец, останусь у вас с радостью, только работник из меня, сам видишь, плоховатый... Лето поживу, а там видно будет», «Гаврила с Петром жили в степи неделю. Пахали, бороили, ночевали под арбой, одеваясь</p>

Сын Гаврилы	Названный сын Гаврилы
<p>Он ить с вашим Петром в одном полку служил!..», «Говори: где Петро?», «...старуха, вытягивая руки, шла к кровати, крик распирал ее горло», «Срубили Петра... насмерть... <...> Петро черк за луку, а седло коню под пузо... Конь горячий... не сдержал, остался... Вот и все!», «Одного сына убить?! Кормильца?! Петьку мово?! Брешешь, сукин сын!.. Слышишь ты?! Бре-шешь! Не верю!..», «Петро! Сыночек!» [10, т. 7, с. 486–489] (<i>очень сильные переживания родителей, вызванные известием о гибели сына на войне</i>)</p>	<p>одним тулупом, но никогда не говорил Гаврила о том, как крепко, незримой путой, привязал к себе его новый сын. Белокурый, веселый, работающий, заслонил собой образ покойного Петра. О нем вспоминал Гаврила все реже. За работой некогда стало вспоминать», «Как-то с утра провозился Петро с косилкой. На диво Гавриле оправил в кузне ножи и сделал новые, замен поломанных, крылья» [10, т. 7, с. 496–498] (<i>выздоровление «нового» Петра, большее его сближение с Гаврилой, помощь названного сына отцу, активное участие в трудовых процессах</i>). «На мгновение пришла мысль – изорвать его, но, подумав, решил отдать. Петра у ворот встретил новостью...», «Зовут на завод... Собираются его пускать. С семнадцатого года стоял», «Не могу, отец, оставаться! Поеду на завод... тянет, душу мутит...», «А может, в самом деле взвернешься? А? Неужли не пожалеешь нашу старость, а?..», «Петро поправил на ремне сумку с харчами и слез с арбы. С усилием задушив рыдание, Гаврила кинул на землю кнут и протянул трясущиеся руки», «Прощай, родимый!.. Солнышко ясное смеркнется без тебя у нас <...> Прощай, сынушка!..», «“Не вернется!..” – рыдало в груди невыплаканное слово», «В последний раз мелькнула за поворотом родная белокурая голова, в последний раз махнул Петро картузом...» [Там же, с. 498–500] (<i>роковое письмо, разлучившее Гаврилу и его жену с названным сыном; прощание; отчаяние Гаврилы, потерявшего второго сына</i>)</p>

Слова «Петр» и «Петро» можно назвать взаимозаменяемыми – и в замене одного варианта имени другим нельзя обнаружить определенную закономерность, значимую для понимания произведения смысловую нагрузку.

2. Соотнесите употребление имени собственного с сюжетом рассказа.

Что же позволяет названную антропонимическую парадигму назвать художественной доминантой рассказа «Чужая кровь»? То, что имя родного сына получает названный сын. И сама эта переломная сюжетная ситуация, маркером которой и выступает слово

«Петр» с целым комплексом структурных вариантов, приобретает символический характер, т.к. выражает разные смыслы: становится очевидной и безграничная любовь Гаврилы и его жены к родному сыну, и сочувственное отношение к чужому человеку, которое перерастает в любовь, и доброта юного героя, готового ради этих несчастных людей пожертвовать своим именем, и трагическая сущность гражданской войны, допускающей подобного рода парадоксы, и контраст смерти и жизни (родной сын Петр погибает, но это имя приобретает, победив возможную смерть, названный сын).

Конечно, антропоним и сюжет взаимосвязаны: если сначала постоянно говорится о родном сыне (Петр отправляется на войну; сшитый полушубок на «Петров рост»; неношенная папаха Петра, которую баюкает, как дитя, жена Гаврилы; слова Прохора о гибели Петра и реакция на них отца и матери), то далее – в центре внимания оказывается названный сын («потухающее тепло» раненого продкомиссара; любовь к Петру, которая перекинулась на чужого сына; новое имя девятнадцатилетнего парня как знак этой любви; постепенное усиление этого чувства; спасение названного сына и постепенное пробуждение его к жизни; просьба Гаврилы остаться на хуторе, обращенная к «новому» Петру; названный сын как прекрасный работник; роковое письмо; трагическое прощание с названным сыном). Причем вторая часть рассказа занимает большее место, чем первая, т.к. она является наиболее значимой.

3. *Найдите нарицательные существительные, употребляемые вместо имени собственного. Какова роль в рассказе этих слов-заместителей?*

Отметим, что у антропонима есть заместители, к которым следует отнести нарицательные существительные в основном с уменьшительно-ласкательными суффиксами («сын», «сынок», «сыночек», «сынушка»), субстантивированные прилагательные («родимый», «родной») и словосочетание («новый сын»). Но если, например, суффикс в слове «сынушка» выражает ласкательное значение, то суффикс в слове «сынок» – уменьшительное, сопровождаемое экспрессией ласкательности [4, с. 32].

Совершенно очевидно, что такими способами прежде всего выражается

отношение Гаврилы к «новому» Петру: он обращается к нему по-отцовски, с подлинной любовью. По мнению Е.Н. Лоскутовой, в «Донских рассказах» М.А. Шолохова «безантропонимные (описательные) модели именования персонажей <...> выступают в роли заместителей антропонимов, выполняя не только характеризующую функцию персонажей, но и указывают на возраст, семейные отношения героев, их социальную роль, дают авторскую оценку» [3, с. 107].

4. *Докажите, что «новый сын» в отдельных ситуациях называет Гаврилу отцом. Как это характеризует юного героя?*

Чрезвычайно важно, что названный сын, обращаясь к Гавриле, называет его отцом: «Я, отец, останусь у вас с радостью...»; «Не могу, отец, оставаться!» Налицо контрастные ситуации, фиксирующие разные этапы движения сюжета, но главное заключается в другом: в этих ситуациях проявляется чуткость героя рассказа, адекватно реагирующего на психологическое состояние Гаврилы, на его душевные порывы и находящего для этого необходимое слово.

5. *О чем свидетельствуют такие художественные детали, как полушубок, сшитый на «Петров рост», и папаха?*

Одним из способов раскрытия внутреннего мира героев следует назвать художественные детали. Это и папаха родного сына, которую баюкает мать, – и мы видим, какие болезненные формы приобретает ее любовь к сыну, насколько тяжело ей дается разлука с ним. Это и шаровары, которые должны перейти от родного сына к сыну названному.

Конечно, эта ситуация, рассматриваемая в контексте всего рассказа, приобретает символический смысл: Гаврила любит этого девятнадцатилетнего парня как родного, предельно близкого человека. Как родного сына! Нельзя забыть и о том, что сделал бывший продкомиссар с косилкой, причем по собственной инициативе: «оправил в кузне ножи и сделал новые, замен поломанных, крылья». Но ведь это знак любви к человеку, знак доброго и благодарного к нему отношения.

6. *Найдите в рассказе главные фразы, которые помогают понять смысл названия шолоховского произведения. Обоснуйте свой выбор.*

Очень важно, чтобы семиклассники обратили внимание на фразы со словами, в состав которых входит корень «кровь»: «С каждым днем с ужасом чувствовал Гаврила, что кровно привязывается к новому Петру, а образ первого, родного, меркнет, тускнее, как отблеск заходящего солнца на слюдяном оконце хаты» [10, т. 7, с. 494–495]; «Хучь и чужая в тебе кровь, а душой за тебя болишь, как за родного» [Там же, с. 497]. В первой фразе показывается, как в сознании Гаврилы соотнесены раненый продкомиссар и родной сын Петр: если привязанность к «новому Петру» воспринимается как кровная (чужой человек становится родным), то образ родного сына меркнет, тускнеет, отходит на второй план. И это шолоховский герой тяжело переживает (слово «ужас» здесь вполне уместно), но ничего с собой сделать не может. Во второй же фразе, обращенной к юному герою рассказа, усиливается ранее звучавшая мысль, т.к. вновь говорится о смещении границы,

отделяющей родного по крови человека от чужого. Такова сила любви.

Об отношении Гаврилы к Николаю, ставшему Петром, очень точно написала С.Г. Семенова: «Казалось бы, какое непереходимое расстояние между таким рабочим пареньком и традиционным донским казаком, да любовь умеет сблизать любые дистанции, прививая друг к другу, породняя далекое, чуждое, даже враждебное, – такой коммунист в другой ситуации мог стать убийцей их сына и наоборот, а тут отдали ему всю Петрову амуницию с папахой и овчинным полушубком, столь трепетно, почти религиозно до того хранившимися.

Проникновенно, иногда чуть с ласковой иронией рисует писатель чувство Гаврилы к “белокурому, веселому, работающему” (хоть и при одной руке, другая так и не срослась), умелому парню, чувство сильное, затаенное, молчаливое, изредка прорывающееся наружу мечтаемыми планами <...> В этом рассказе Шолохова чувство отца к “новому сыну” <...> передано с особым сочувствием и истинным драматизмом» [6, с. 256–257].

Итак, на втором учебном занятии по рассказу прослеживается последовательность следующих тем: варианты имени «Петр» > имя собственное «Петр» и сюжет > нарицательные существительные-заместители имени собственного > слово «отец», звучащее из уст «нового сына» > художественные детали, имеющие отношение к родному и названному сыну > смысл названия рассказа.

Иначе говоря, антропоним с его вариациями рассматривается в связи с различными уровнями художественной структуры произведения (особенности сюжета, композиции,

словоупотребления), вследствие чего семиклассники утверждают в справедливости мысли о силе любви, которая способна преодолеть границы, заложенные самой природой (чужая кровь становится своей, родной) и исторической эпохой, диктующей вражду, жестокое противостояние полярных политических сил, которое отражается и на жизни простых людей – крестьян.

Отметим, что, наряду с вопросами и заданиями репродуктивного характера, в дидактический материал уроков входят вопросы и задания:

1) с элементами лингвостилистического подхода к тексту;

2) на сопоставление сегментов художественного текста изучаемого произведения и сопоставление тематически близких фрагментов из разных произведений;

3) на оценку поступка персонажа;

4) на выявление авторской позиции как результат аналитико-интерпретационной деятельности.

Методически обоснованным представляется нам и творческое задание по словесному иллюстрированию двух контрастных эпизодов, предполагающее глубокое вхождение в художественный текст и способствующее развитию связной речи учащихся.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского. 4-е изд. М., 1979.
2. Зенкин С.Н. Теория литературы: Проблемы и результаты. М., 2018.
3. Лоскутова Е.Н. Роль безантропонимных (описательных) моделей именования в лингвокультурологической системе антропонимии «Донских рассказов» и романа «Поднятая целина» М.А. Шолохова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 5 (47). Ч. 2. С. 105–107.
4. Маслова И.Б., Рудыкина Е.С. Функциональная семантика обращений в «Донских рассказах» М.А. Шолохова // Вестник РУДН. Серия «Вопросы образования и языка: языки и специальность». 2007. № 1. С. 30–34.
5. Петелин В.В. Критики и литературоведы о «Донских рассказах». URL: <http://sholohov.lit-info.ru/sholohov/kritika/petelin-o-donskih-rasskazah.htm> (дата обращения: 15.09.2023).
6. Семенова С.Г. «Донские рассказы»: От поэтики к миропониманию // Новое о Михаиле Шолохове: Исследования и материалы. М., 2003. С. 207–281.
7. Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 2006.
8. Толстой Л.Н. Война и мир: роман в 4 т. Т. I–II. М., 2008.
9. Чехов А.П. Собрание сочинений: В 12 т. Т. 9. М., 1985.
10. Шолохов М.А. Собрание сочинений: В 8 т. М., 1985–1986.

References

1. Bakhtin M.M. Problemy poetiki Dostevskogo [Problems of Dostoevsky's poetics]. 4 ed. Moscow, 1979.
2. Zenkin S.N. Teoriya literatury: Problemy i rezultaty [Theory of literature: Problems and results]. Moscow, 2018.
3. Loskutova E.N. The role of non-anthroponymic (descriptive) naming models in the linguoculturological system of anthroponymy of «Don stories» and the novel «Virgin soil» by M.A. Sholokhov. *Philology. Theory & Practice*. 2015. No. 5 (47). Part 2. Pp. 105–107. (In Rus.)
4. Maslova I.B., Rudykina E.S. Functional semantics of appeals in “Don stories” by M.A. Sholokhov. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*. 2007. No. 1. Pp. 30–34. (In Rus.)

5. Petelin V.V. Kritiki i literaturovedy o «Donskikh rasskazakh» [Critics and literary critics about the “Don stories”]. URL: <http://sholohov.lit-info.ru/sholohov/kritika/petelin-o-donskih-rasskazah.htm>
6. Semenova S.G. «Don stories»: From poetics to the understanding of the world. *Novoe o Mikhaile Sholokhove: Issledovaniya i materialy*. Moscow, 2003. Pp. 207–281. (In Rus.)
7. *Sovremennyy tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Modern explanatory dictionary of the Russian language]. S.A. Kuznetsov (ed.). St. Petersburg, 2006.
8. Tolstoy L.N. *Vojna i mir: Roman v 4 t.* [War and peace: A novel in four vols.]. Vol. I–II. Moscow, 2008.
9. Chekhov A.P. *Sobranie sochineniy: v 12 t.* [Collection of works in 12 vols.]. Vol. 9. Moscow, 1985.
10. Sholokhov M.A. *Sobranie sochineniy: v 8 t.* [Collection of works in 8 vols.]. Moscow, 1985–1986.

Статья поступила в редакцию 31.08.2023, принята к публикации 30.09.2023
The article was received on 31.08.2023, accepted for publication 30.09.2023

Сведения об авторе / About the author

Шутан Мстислав Исаакович – доктор педагогических наук, кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой историко-филологических дисциплин, Нижегородский институт развития образования

Mstislav I. Shutan – ScD in Education, PhD in Philology (Literature); Associate Professor; Head of the Department of Historical and Philological Sciences, Nizhny Novgorod Institute of the Education Development

E-mail: mshutan@mail.ru